

КОМУ НУЖЕН КНЯЗЬ БАГРАТИОН!

Впрочем, та же судьба, видимо, ожидает и Светлейшего князя Кукурузова, если говорить о мозаике.

Я давно собираюсь написать эту статью. И пока я собирался, произошли события, довольно-таки повлиявшие на ее смысл и результат. Тем не менее возвращаюсь к первоначальному замыслу.

Если вы посетили выставку «Америка глазами российских художников», то помните, что ее кульминацией стал портрет Христофора Колумба. Это великолепная работа! Возможно, я что-то додумываю, но я увидел сильного, красивого человека, жестокого и умного, романтика и захватчика. Возможно, как ни странно, человека с неудовлетворенным тщеславием.

Восхищают дивные пряди каштановых волос. Дело в том, что художник их не нарисовал. Это естественный рисунок куска мрамора. Дело в том, что портрет этот исполнен в мозаике, в технике флорентийской мозаики. Его автор — Илья Александрович Клейнер.

Вот о нем-то я давно собираюсь рассказать. Он один из немногих, но замечательных мастеров мозаики, все более и более уникального у нас вида искусства. Но помимо этого, он привлекает к себе как человек широко образованный, разносторонне талантливый и щедрый, точнее сказать, добрый. Впрочем, в этом-то как раз его качество и посетила его огромная, неблагодарная неожиданность. Но, как говорится, все по порядку.

Откуда образованность? То, что Илья Александрович рисовать начал с четырех лет,

не помешало ему получить образование на историко-филологическом факультете и окончить аспирантуру. Опять же мальчику, который перенес 17 операций и надолго был прикован к костылям, пришлось прочитать «от нечего делать» много книг за неимением простых мальчишеских радостей.

Ну, а поскольку на работу по профессии Илью Александровича Клейнера тогда нигде не брали, пришлось податься в художники. Чем только ни приходилось «заниматься» — и маслом писал, и гуашью, и гравюры, и акварели, и примитив писал, и авангард. И кафедральный собор в Рязани реставрировал. Талантливым он художником оказался. Если вам это что-то говорит, его работы покупал знаменитый коллекционер Георгий Дионисевич Костяки.

Но все это было как бы нелегально. Поскольку, если ты не был членом Союза художников, то не имел права продавать свою, пусть даже трижды гениальную работу. Но наконец двери в помпезный мир искусства приоткрылись — в 1975 году Илья Александрович принял на работу в комбинат монументально-декоративного искусства. На должность художника-исполнителя. Как бы это объяснить непосвященным? Есть художник, который замысливает и создает мозаику. А есть исполнитель, который готовит материал, — скажем, колет смальту, укладывает ее по замыслу автора.

Кстати, это очень серьезная работа и достаточно творческая.

Впрочем, позвольте дальше пригласить вас к разговору с Ильей Александровичем Клейнером.

— И долго, Илья Александрович, вы для других кололи смальту?

— Если вас интересует цифра, то года четыре. А если вы иронизируете, то напрасно.

Я прошел замечательную школу. Я научился всему — начиная от замеса раствора до тщательной отделки. Я не верю в автора мозаики, который не умеет всю работу с начала до конца совершить своими руками. Я работал художником-исполнителем у таких замечательных мастеров, как Леонид Григорьевич Полищук и Светлана Ивановна Щербина. Я им помогал создавать самую крупную в мире мозаику — в библиотеке 2-го Медицинского института.

— И с тех пор вы посвятили себя сугубо мозаике?

— Нет, я продолжал участвовать в выставках станковой живописи. Были и персональные выставки. Если уж хахаться до беспамятства, то есть даже две постоянные галереи моих работ — в Чаре и в Чите. В том числе и мозаика.

— Вам мозаика со временем стала ближе?

— Трудно сказать. Пожалуй, в станковой живописи больше пластики, больше возможностей. Но в мозаике больше обобщения, ее лаконизм требует точного отбора

выразительных средств, большей строгости в исполнении. Стоит хоть один камешек уложить не туда, как он начинает «свистеть». Есть у художников такой забавный, но точный термин — этот камешек становится как бы фальшивым звуком.

— Можете ли вы сказать, что привнесли в мозаику нечто свое?

— Ну, это было бы слишком самонадеянно. Но мне кажется существенным то, что я называю принципом «из ниоткуда в никуда». Для меня очень важен фон, в котором находится предмет. Я хочу передать неразрывную связь предмета и мира, человека и мира. Обычно в мозаике лицо оконтуривается темной линией. Я решил разорвать этот контур — цвет переходит из лица в фон.

Впрочем, потом я узнал, что этот метод давно использует замечательный художник Борис Петрович Милоков, одна из станковой живописи. Но для меня существенно, что я до этого «своим умом дошел». Радость ведь не только в результате, но и в самом процессе.

— Услаждает ли вас мысль, что станковая живопись довольно недолговечна, а мозаика на века?

— Есть даже термин — «вечный материал». Из которого делается мозаика. Это в некотором смысле так. Когда древние создавали мозаику, то ей грозило только какое-нибудь землетрясение. Что бывало;

как вы понимаете, не так уж часто. Сейчас «землетрясение» происходит каждое мгновение. Под нашим домом непрерывно снуют поезда метро, вокруг «газуют» машины — городской воздух разъедает цемент, который крепит смальту, мозаика темнеет, камни выпадают. Впрочем, если в таких условиях трудно «вечной мозаикой», то каково такому отнюдь не вечному материалу, как человек?

— Илья Александрович, еще года два назад я у вас видел несколько мозаичных портретов героев 1812 года. Что-то нынче их не видно.

— Я их подарил панораме «Бородинская битва».

— Расскажите немного об этой работе.

— Я не знаю, что рассказывать. Ну, сделал мозаики. Правда, портреты в мозаике — кропотливая работа, а то можно очень легко в «китч» впасть, и получится что-то вроде «коврика с лебедями». Предварительная работа была очень интересной, большой материал пришлось изучить. Вот каким вы, например, представляете себе фельдмаршала Кукурузова?

— Маленький, толстенький, эдакий уютный и домашний. Мне, признаться, он представляется каким-то штатским, волею судьбы попавшим в военные герои.

— Кукурузов был огромного роста, сильного характера. Очень геройский по натуре человек, я имею в виду личную храбрость. У него ведь, кроме популярной черной повязки на

глазу, огромное количество ран. Вот таким я его постарался отобразить.

Вообще в наших исторических восприятиях мы часто грешим надуманными штампами. Вот как, по-вашему, кто в ту войну получил больше всех орденов за героизм?

— Не знаю. Допустим, князь Багратион.

— Во все не князь Багратион, а граф Аракчеев. Да, тот самый реакционер и погубитель. Но хоть он и герой, его портрет я делать не стану. Мне, знаете ли, все-таки, например, декабристы ближе. Вот я и создал целый цикл портретов именно декабристов.

— А где же они?

— Я их продал городу Чите. Обещали осенью там открыть галерею этих мозаичных работ. Это портреты декабристов, которые в тех местах отбывали ссылку.

— Простите мне не деликатность вопроса: а почему вы «Бородинской панораме» подарил, а в Читу продали?

— Надо ли нам вдаваться в финансовые вопросы? Они не столько деликатны, сколько безнадёжны.

Я продел за такие деньги, что еле хатили на транспортировку этих громоздких, тяжелых работ в Читу. А ведь даже с мозаичным материалом очень дорого. Так что тоже, считайте, получился подарок.

— Вы, видимо, богатый человек: все-таки дарить мозаичные работы...

— Нет, я отнюдь не богатый человек. На жизнь семье зара-

батываю станковой живописью. Она же мне дает средства, чтобы приобрести материал для мозаик. Надо сказать, что довольно дорого стоит мой авторский труд. Я все-таки мастер в своем деле, есть и за границей известность. Так вот этот труд я и дарю. Это, извините, мое авторское право. Если угодно, потребность души.

— Вы хотите сказать, что вы патриот не на словах...

— Вы подталкиваете меня в колею патетики. Но понимаете, во мне всю жизнь действительно очень сильно чувство Отечества. Понимаете, создавать портреты героев 1812 года или декабристов — это не на предмет продажи ради денег. Для заработка сподручней рыночные натюрморты делать или ту же «Царицу Тамару» — они «красивее».

— Ну что ж, благодарность потомков — тоже неплохой подарок.

— Вы какими-то эпохальными категориями оперируете, а проблема-то скукожилась в овчинку.

Я мозаики «Бородинской панораме» подарил. Но оговорил, что они оплатят труд Сережи Никонова, моего художника-исполнителя. Молодой мужчина вдруг скоропостижно скончался, осталась семья. Деньги ему причитаются небольшие, но все-таки семье какая-то помощь.

— Ну так в чем проблема?

— На днях звоню в «Боро-

динскую панораму»: «Почему семье Никонова до сих пор деньги не выплачены?» — «А у нас денег нет!» — «А что с мозаиками?» — «А у нас ремонт, стоят в запасниках». И глубокое молчание в телефонном шнуре. «Так мне что, забрать их обратно?» — «Забери». Вот и весь сказ. И про вечный материал, и про вечное искусство, и про то, что нам твои даренные герои 1812 года и на хрен не нужны.

— Илья Александрович, ну и что дальше будет с мозаикой? Не лично, извините меня, вашей, а с нашей мозаикой, мозаикой как искусством? Появились какие-то новые имена?

— Прекрасных старых мастеров назову вам без запинки: Борис Милоков, Виктор Эльконин, Николай Андронов, Илья Бройдо... А молодых имена? Нет, при всем желании не назову. Видимо, не тянет их на «вечный материал», надобно что-то побыстрее. Тем более что «на века», как видите, даже в подарок не берут.

...За что мастера обидели? Для меня весь этот финал нашего разговора был полной неожиданностью. Я-то ведь изнамерился написать с умлением о том, как мастер дарит свои бесценные работы. Уж если мне от всей этой истории горько стало, то каково-то Илье Александровичу? Он ведь дарит не по причине скупающих его богатств, а от подлинной щедрости души.

Все это как-то дико, но уже обиходно. Что мы за люди, что за время сами же создали?